

Экфрасис в современной калмыцкой поэзии (монумент Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение»)

Римма Михайловна Ханинова¹, Эльза Гаряевна Валетова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-6750-302X. E-mail: valetova83@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., Валетова Э. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* Актуальность и новизна исследования обусловлены малоизученностью экфрасиса в творчестве калмыцких поэтов на тему депортации, ссылки и возвращения народа (1943–1957). *Цель* статьи определяется выявлением функции экфрасиса в поэзии, адресованной этому историческому периоду. Объектом исследования стали поэмы народного поэта Калмыкии Е. А. Буджалова «Буйслһн болн Босхлһн» (1997) и «„Маска Скорби“ бумб» (1996), посвященные монументам Э. И. Неизвестного в Элисте и Магадане. Кроме того, стихи Р. М. Ханиновой, В. Н. Лиджиевой, В. Г. Хотлина, П. А. Дарваева. Предмет исследования — экфрасис в современной калмыцкой поэзии на тему исторической памяти. *Методы:* историко-литературный, историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный, описательный. *Результаты.* В современной калмыцкой поэзии тема монумента, созданного Э. И. Неизвестным, в Элисте отражена в двух поэмах Егора Буджалова, а также в стихотворениях русскоязычных калмыцких поэтов Риммы Ханиновой «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996), Валентины Лиджиевой «Монолог

отца» (1997), Валерия Хотлина «Исход» (1998) и Петра Дарваева «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009). *Выводы.* Несмотря на то, что Е. А. Буджалов создал две указанные поэмы, будучи на открытии данных монументов известного скульптора в Магадане и Элисте, экфрасис в его произведениях описан минималистскими приемами, лаконично, сюжетообразующая функция экфрасиса как скульптурного артефакта заключается в отправном стимуле для размышлений автора, пережившего сибирскую ссылку, на тему геноцида народов в эпоху сталинских репрессий. Стихи русскоязычных калмыцких поэтов, родившихся в период или на исходе сибирской ссылки, П. А. Дарваева, В. Г. Хотлина, Р. М. Ханиновой, или после возвращения народа на родину, В. Н. Лиджиевой, в разной мере являют экфрасис — вербальное воссоздание монумента в связи с его автором. На родном языке калмыцкие поэты, судя по всему, не запечатлели в своей лирике столь значимое событие, вероятно, из-за сложности воспроизведения такого артефакта через призму экфрасиса.

Ключевые слова: экфрасис, монумент «Исход и Возвращение», скульптор Эрнст Неизвестный, современная калмыцкая поэзия, депортация, сибирская ссылка, историческая память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М., Валетова Э. Г. Экфрасис в современной калмыцкой поэзии (монумент Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 152–173. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-152-173

Ekphrasis in Contemporary Kalmyk Poetry: Exodus and Return Memorial by Ernst Neizvestny

Rimma M. Khaninova¹, Elsa G. Valetova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6750-302X. E-mail: valetova83@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., Valetova E. G., 2022

Abstract. *Introduction.* The relevance and novelty of the study be determined by that Kalmyk poetic ekphrases dealing with the deportation, exile and return of the people (1943–1957) remain underinvestigated. *Goals.* The article aims to identify the function of ekphrasis in poetry addressing the mentioned historical period. *Materials and methods.* The work focuses on two poems of Kalmykia’s national poet Ye. Budzhalov — Exodus and Return (Kalm. Буйслһн болн Босхлһн, 1997) and The Mask of Sorrow (1996) — dedicated to the monuments of E. Neizvestny in Elista and Magadan, these be supplemented with poems by R. Khaninova, V. Lidzhieva, V. Khotlin, and P. Darvaev. The subject of research is ekphrasis in contemporary Kalmyk poetry on the topic of historical memory. The employed methods include the historical / literary, historical / functional, comparative, and descriptive ones. *Results.* In contemporary Kalmyk poetry, the theme of the Elista-based monument created by E. Neizvestny is reflected in two poems by Yegor Budzhalov, as well as in narratives of other Russian–language Kalmyk poets, such as Rimma Khaninova (Neizvestny — A Requiem Two Steps away from the One Who Authored the Exodus and Return Memorial, 1996), Valentina Lidzhieva (Monologue of the Father, 1997), Valery Khotlin (Exodus, 1998), and Pyotr Darvaev (To the Exodus and Return of Ernst Neizvestny, 2009). *Conclusions.* Despite that Ye. Budzhalov created the two poems having attended the opening ceremonies of those monuments by the renowned sculptor in Magadan and Elista, ekphrasis in his works is reduced to some minimalist and laconic techniques, its plot-forming function as one depicting the sculptural artefacts serving rather a starting point for the author’s thoughts on personal experiences of the Siberian exile and ethnic genocides in the era of Stalinist repressions. The poems of the Russian–language Kalmyk poets born during and at the end of the Siberian exile (P. Darvaev, V. Khotlin, R. Khaninova), or after the people’s return to their homeland (V. Lidzhieva) articulate ekphrasis to varying degrees — through verbal depictions of the monument in connection with its author. So, the Kalmyk poets have evidently created no mother-tongue ekphrases to capture such a significant event, which may be explained by that the artefact is

actually too difficult to describe through the prism of ekphrasis and its tools.

Keywords: ekphrasis, monument Exodus and Return, sculptor Ernst Neizvestny, contemporary Kalmyk poetry, deportation, Siberian exile, historical memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Khaninova R. M., Valetova E. G. Ekphrasis in Contemporary Kalmyk Poetry: Exodus and Return Memorial by Ernst Neizvestny. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 152–173. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-152-173

Введение

Тема депортации, ссылки и возвращения калмыцкого народа (1943–1957) в современной калмыцкой поэзии нашла отражение и в мотиве экфрасиса. В столице Республики Калмыкия Элисте 29 декабря 1996 г. был установлен монумент «Исход и Возвращение», посвященный жертвам политических репрессий (архитектор С. Е. Курнеев, скульптор Э. И. Неизвестный).

В начале 1990-х гг. в Калмыкии был объявлен конкурс на лучший проект такого памятника. Среди предложенных проектов — журавли, стремящиеся на родину, субурган-мавзолей [Воронова 1996а: 5]. Лучшим был признан проект Эрнста Иосифовича Неизвестного (1925–2015), скульптора, художника, участника Великой Отечественной войны, жившего тогда в США. Скульптор начал работу над монументом «Исход и Возрождение» в 1994 г. «На встрече с творческой интеллигенцией, общественностью республики Э. Неизвестный поделился тем, каким ему видится памятник: „Прежде всего, он должен быть монолитным, ибо выразит единую скорбь, единое страдание калмыцкого народа“» [Поканинова 1996: 2]. По словам курирующей проект Е. Б. Поканиновой, Э. И. Неизвестный в процессе работы сказал следующее: «Работая над монументом „Исход и Возвращение“ и изучая вашу историю и традиции, я проникся болью трагедии, которую пережил ваш народ, железная социальная и технологическая машина пыталась

уничтожить людей, их веру, их культуру, саму их природу<...> Великая религиозная и духовная традиция дала возможность вашему народу проломить холодную стену системы и вернуться на свою землю, к своей природе, пронести сквозь испытания свою веру. Я прошел в моей работе ваш путь изгнания и возвращения» (цит. по: [Воронова 1996а: 5]).

Была проделана большая подготовительная работа по устройству мемориального комплекса, сам монумент был отлит из бронзы [Хаптаханова 1996: 1–2]. Под ним заложена капсула с землей из сибирских городов, привезенной участниками «Поезда памяти» [Ханинова, Валетова 2022: 142]. Композиция мемориала «Исход и Возвращение» включает несколько объединяющих элементов: собственно памятник «Исход и Возвращение» на вершине кургана, старый железнодорожный вагон и мемориальная плита. «По словам архитектора С. Е. Курнеева, он учитывал желание скульптора об установлении памятника на естественном кургане в степи. Такой свободный участок, но без кургана, нашелся в восточном жилом массиве, на улице Н. С. Хрущева¹, чье имя значимо для калмыков...» [Поканинова 1996: 2]. Подъем к монументу на кургане осуществляется по спиралевидной дороге, повторявшей обряд обхода буддийского хурула по часовой стрелке. Дорога к памятнику начинается с вагона, установленного на железнодорожном полотне: в товарных вагонах людей перевозили к местам пребывания. На левой стороне рельсов установлены четырнадцать гранитных столбиков по числу годов (1943–1957 гг.), когда калмыцкий народ находился в ссылке. «Так, по идее создателей, отмечен трудный период несправедливой ссылки. В конце рельсовой дороги, „дороги в никуда“, у основания кургана установлена мемориальная плита, где высечен отрывок из стихотворения „От правды я не отрекался“ Давида Кугультинова²» [Сангаджиева 2020: 311].

¹ Никита Сергеевич Хрущев — первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964 гг.).

² Фрагмент поэмы «Үннэсн цөкрсн угав» (1963) Д. Н. Кугультинова в русском переводе Ю. М. Нейман.

Экфрасис и его функция в современной калмыцкой поэзии: памятник Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение»

В современной калмыцкой поэзии образ данного памятника нашел отражение в поэме Народного поэта Калмыкии Егора Буджалова «Буйслһн болн Босхлһн» (в русском переводе В. Н. Лиджиевой «Исход и Возвращение», 1997), а также в стихотворениях русскоязычных калмыцких поэтов Риммы Ханиновой «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996), Валентины Лиджиевой «Монолог отца» (1997), Валерия Хотлина «Исход» (1998) и Петра Дарваева «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009).

Эти примеры экфрасиса и выявление его функции в указанных произведениях калмыцких поэтов не были объектом и предметом исследования.

Об экфрасисе в калмыцкой прозе о депортации и сибирской ссылке написана статья Р. М. Ханиновой совместно с Д. А. Ивановой, Э. Б. Очировой «Экфрасис в рассказе А. Балакаева „Три рисунка“», в которой исследователи подчеркивают, что «визуальное (экфрасис) в рассказе Алексея Балакаева тесно взаимодействует с вербальным компонентом, усиливая художественный эффект и идею произведения» [Ханинова, Иванова, Очирова 2014: 96]. Кроме того, калмыцкий экфрасис в повести «Декада» С. И. Липкина изучен в статье Р. М. Ханиновой [Ханинова 2016].

Как известно, «экфрасис — это риторическая фигура, означающая описание визуальных объектов (реальных или вымышленных), особенно визуальных произведений искусства» [Шкаренков 2008: 301]. Л. Геллер отмечает, что «экфрасис — это жанр словесного представления отдельных или собранных в галереях произведений изобразительного искусства. Внутри литературных произведений других жанров это риторико-нарратологический прием задержания действия, отступления, которое состоит в живом изображении какого-нибудь предмета; позже таким предметом по преимуществу стал художественный объект» [Геллер 2013: 45].

Егор Андреевич Буджалов (1929–2009) четырнадцатилетним мальчиком вместе с семьей был выслан в Сибирь 28 декабря 1943 г. Об этом трагическом периоде он рассказал в интервью 2004 г. «Вновь перелистывая...» [Бюрчиев 2004]. В разное время поэт отдал дань этой теме также в стихотворениях «Канскд болсн йовдл» («Я в Канске жил...»), «Сивр» («Сибирь»), «44 жилин хавр» («Весна 44-го года»), в поэмах «"Маска Скорби" бумб» («Монумент "Маска Скорби"»), «Үүдэн тээлтн, хальмгуд!» («Двери настезь, калмыки!»), повести в стихах «Эмд үлдхин төлэ» («Чтобы остаться в живых») и др.

Поэма «Буйслһн болн Босхлһн» (букв. «Вымирание и Возрождение») вначале опубликована в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») 4 марта 1997 г. [Буджала Е. 1997а: 2], в том же году напечатана в седьмом номере журнала «Теегин герл» («Свет в степи») [Буджала Е. 1997б: 4–11], в авторской книге «Дурн делкэг залтха» («Пусть любовь правит миром») [Буджала Е. 2008: 296–324].

Валентина Лиджиева осуществила русский перевод поэмы, включенный в сборники стихов и поэм Егора Буджалова «Исход и Возвращение» в 1997 г. [Буджалов 1997а: 24–38], «Двери настезь, калмыки!» [Буджалов 1997б: 268–284]. В русском переводе заглавие поэмы отсылает прежде всего к названию памятника, что подчеркивается кавычками. В оригинале заглавие произведения шире в своей исторической парадигме. Существительное *буйслһн* имеет два значения: 1) вырождение, 2) отмирание, образованное от глагола *буйсх* в следующих значениях: 1) кончаться, прекращаться; уничтожаться, а также 1) вырождаться, 2) отмирать [КРС 1977: 117], ср. *буйсалһн* ‘похороны’ [КРС 1977: 117], существительное *босхлһн* от глагола *босх* означает поднимание, подъем [КРС 1977: 112]. Таким образом, заглавие поэмы можно прочитать, например, как «Вымирание и Возрождение».

Е. А. Буджалов написал поэму спустя два месяца после установления в Элисте мемориального комплекса «Исход и Возвращение», на открытии которого он присутствовал.

В предисловии к буджаловской книге «Исход и Возвращение» Народный поэт Калмыкии Эрдни Эльдышев отметил читательский интерес к этому произведению: «Поэт избрал строго повествовательную, документальную форму изложения, которая в деталях, зримо изображает события, происходившие во время исторического открытия памятника „Исход и Возвращение“, позволяет читателю пройти вслед за ним по трудным, суровым дорогам немеркнувшего прошлого» [Эльдышев 1997: 6].

Небольшая по объему поэма состоит из 732 строк («лестничная» структура), поделена на семь неравномерных частей, без числового обозначения (ср. в переводе 6 частей, обозначенных арабскими цифрами, 568 строк без «лесенки»). В подзаголовке указан жанр произведения — поэма. В заголовочно-финальном комплексе поэмы нет эпиграфа, посвящения, не обозначены место и время написания.

Повествование в поэме ведется от первого лица. Поэт подробно рассказывал историю создания памятника, его установке, о морозной погоде, об участниках церемонии открытия, автобиографически вспоминая холодный трагический день депортации в Сибирь.

В первой части поэмы открывается картиной искусственно созданного кургана, на котором стоит памятник, ждущий своего открытия: *Элстин захд, һарар кегдсн / Өөдм деер бумб харгдна. / Энүнэ көшг секгдх кем — / Эврэ өдрэн, цаган күлэнэ...* ‘На окраине Элисты на рукотворном кургане виднеется памятник. Он ждет своего дня и часа, когда спадет с него покрывало’³ [Буджала Е. 1997б: 4]. Для автора важно подчеркнуть, кто, где и из какого материала сотворил монумент: *Күңкл скульптор Эрнст Неизвестный / Күрлэр цутхад үүдэсн билэ. / Эрэсэд биш, США-д бумбиг / Алдр урч цутхжс келэ* ‘Мудрый скульптор Эрнст Неизвестный отлил его из бронзы. Великий мастер создал памятник не в России, а в США’ [Буджала Е. 1997б: 4]. К тому времени скульптор почти двадцать лет жил и работал в США, будучи эмигрантом-изгнанником. Это первый штрих эскиза экфрасиса в поэме.

³ Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х., Э. В.

Поэт указал, что памятник создан по инициативе первого Президента Республики Калмыкия Кирсана Илюмжинова. В поэме часто упоминались имена К. Н. Илюмжинова и Э. И. Неизвестного, при этом К. Н. Илюмжинова автор называл по имени или Президент Калмыкии, а Эрнста Неизвестного — только по имени и фамилии (ср. отсутствие этих имен в переводе В. Н. Лиджиевой).

Во второй части поэмы Е. А. Буджалов вспомнил годы, проведенные в Сибири. В день открытия памятника погода была такой же, как и в день выселения калмыков: *Мел шим өрүһәр, өрлэ — / Мел шим задта кемлә, / Мадниг — цуг хальмг улсиг — / Дулан орндан унтжэ кевтсн / Медэтнр, бичкдүд уга цугтинь / Догшин, хээкрсн дун бохла* ‘В точно такое же раннее утро, в такое же ненастье, нас — всех калмыков, спавших в теплых кроватях, стариков и детей поднял резкий, громкий голос’ [Буджала Е. 1997б: 5]. Поэт назвал проклятым этот черный день (*харалта хар өдр*), который никогда не забудется. Солдаты, участники спецоперации «Улусы», врывались в дома калмыков с криком: *Үүдэн тээлтн, хальмгуд!* ‘Открывайте, двери, калмыки!’, *Бедрх цагтн һучн минут...* ‘Тридцать минут на сборы...’ [Буджала Е. 1997б: 6]. *Фашистнр шигжэ дээһэн экллә, / Хар өрлэ нуувчар дэврлэ* ‘Фашисты так же начали войну, ранним утром неожиданно напали’ [Буджала Е. 1997б: 6].

Свидетелем трагических событий становится зимний ветер, сочувствующий обездоленным. С помощью приема олицетворения поэт передал слова ветра калмыкам: *Тодлтн! Тодлтн! Сээнэр тодлтн! / Таднла эндр юн учрсинь! / Тадниг гертэстнь яһжэ көөсинь, / Тадн кенд тохржэ одсан... / Тодлтн, хальмгуд, тохм-тохмдан!..* ‘Запомните! Запомните! Хорошо запомните! Что с вами случилось! Как вас выгоняли из домов, в кого вы превратились... Запомните, калмыки, из поколение в поколение!’ [Буджала Е. 1997б: 7].

Третья часть — это размышления поэта о том, сколько боли и страданий перенес калмыцкий народ, о том, что этот памятник станет памятником покаяния. По первоначальному замыслу, открытие мемориального комплекса должно было состояться 28 декабря, в очередную годовщину депортации, но из-за непогоды ме-

роприятие перенесли на следующий день, 29 декабря: *Өврх, һундх, учр уга: / Олн жһилдән күләсн маднд / Маңһдур күртл күләхнь — төрго, / Монумент белн зогсэж бээнэ* ‘Не нужно отчаиваться и печалиться: нам, много лет ждавшим, подождать до завтра — не проблема. Монумент уже готов и установлен’ [Буджала Е. 1997б: 8].

Четвертая часть поэмы начинается с митинга, посвященного открытию памятника «Исход и Возвращение», с речи Президента Калмыкии К. Н. Илюмжинова: — *Тэвн һурвн жһил хоорань / Таңһчин нерн туужд хусгдла. / Келн-эмтнэ өрэлнь тенд, / Киитн Сиврт хорэж одла. / Күрлэр кегдсн / эн бумб / Хальмг улсин / туужд учрсн / Күчр зовлң, / бэрсн дишлвр / Хамгиг хамцу / харэж хадһлх. / Мана иргч / үйнрин-үйнрт / Мөңк тодлвр / болад зогсх...* ‘Пятьдесят три года назад название республики исчезло из истории. Половина народа погибла там, в холодной Сибири. Сделанный из бронзы этот памятник сохранил в себе тяжкие страдания калмыцкого народа. Он будет вечной памятью для будущих поколений’ [Буджала Е. 1997б: 9].

В пятой части поэмы поэт, вновь вспоминая тяжелые годы ссылки, призывал людей, переживших ад, но выживших, не сплетничать и не завидовать, не стрелять в невиновных, не натравливать народы друга на друга: *Тамд тусад, эмд һарсндан / Таднд келх зөвм иим: / — Ховлдган, үлү үздгән / Хогинь таслэж хайтн. / Буру уга эмтиг / Бичэ хажэ алтн. / Келн улсиг келн улсур / Кезэ чигн бичэ түкртн* [Буджала Е. 1997б: 9]. И закончил свой призыв в фольклорной традиции йорялом-благопожеланием: *Күмн эмтн төвкнүн бээтхэ. / Кишиг, дурн делгү делгртхэ* ‘Пусть все народы живут в мире, счастье и любви’ [Буджала Е. 1997б: 9].

Шестая часть открывается выступлением Эрнста Неизвестного, философски заметившего: *Баахн келн-эмтн гижэ / Бүкл делкэд уга. / Болв седкл-сүмсн уга / Баахн эмтн бээнэ* ‘Во всем мире нет малых народов, но есть люди с малыми душами’ [Буджала Е. 1997б: 10]. См. подробнее об этом: [Ипполитова 2006: 4]. Мастер высказал пожелание, как лучше понять замысел его творения: *Һанцхн юм таднас сурнав / Һээхсн цагтан / уха туңһатн. / Оньган тусхатн, / бичэ адһтн. / Экнэс, дэжнэс / эргэд хэлэтн...* ‘Единственное, о чем

я вас прошу, когда будете осматривать памятник, думайте, будьте внимательны, не торопитесь, вновь и вновь осматривайте его со всех сторон' [Буджала Е. 1997б: 10].

Описание скульптурной композиции, наконец, появляется в этой, предпоследней части поэмы, когда К. Н. Илюмжинов и Э. И. Неизвестный разрежали ленту у памятника: *Бумбд цутхгдси курл дүрмүд / Цагин холас маднур харна. / Буднд геедрсн туужсин халхас / Царцж одси дүрмүд серна. / Геман эргч эн бумбд / Хальмг улсин зовлң бууж, / Башута цагин һундл, нульмс / Хорж одси дүрмүд хураж...* 'Отлитые в памятнике бронзовые образы из далекого времени смотрят на нас. Из затерянных в тумане страниц истории просыпаются замерзшие образы. В этом памятнике покаяния [скульптор] отобразил страдания калмыцкого народа. Печали горького времени, слезы — он собрал все эти жгучие образы' [Буджала Е. 1997б: 10]. Какие же именно образы воплотил Мастер, поэт не конкретизирует, экфрасис в поэме не развернут, а сжат.

Сравним комментарии из статьи художника Дельгир Сангаджиевой: «Эрнст Неизвестный показывает многочисленные лики и фигуры с максимальным напряжением сил, местами ломая их телесную оболочку. Именно таким, определяющим смысл и суть происходящего образом, выделяются из общей массы головы ревуших лошадей, плачущей овечки — как символ терпимости народа, а также уже безжизненные детские тела. Следы от ног людей, разные по размеру, проникающие сквозь стену, являются отражением идеи реинкарнации всех трагически погибших. <...> В монументе „Исход и возвращение“ тема смерти, насилия и преодоления страданий выражена в многочисленных безжизненных масках и черепах, в остроконечных абстрактных элементах, подобных штыкам и оружию. Тема победоносности жизни представлена в скульптуре изображениями стилизованного лотоса, элементами народного орнамента, а также доминирующим рельефным изображением динамичного табуна лошадей. Находящийся рядом череп под копытами — это символ прошлого, из которого вырастают живые цветы настоящего и будущего. Момент рождения младен-

ца, символы солнца и воды выступают в работе как олицетворение возрождения народа, надежды на лучшее будущее» [Сангаджиева 2020: 314–315].

Е. А. Буджалов не указал в своем экфрасисе и размеры памятника, когда «на пространстве площадью 25 кв. метров в полной мере раскрывается вся мощь и образность бронзового памятника, где общая высота совместно с постаментом составляет 4 метра, а ширина — 9 метров. Высота скульптуры составляет 2,74 метра, длина — 5,33 метра, ширина — 2,21 метра» [Мемориал 2004: 31].

«Композицию кургана со спиралевидной дорогой на нем следует рассматривать как маркер древней родины в соответствии с символикой центра мира, которая по вертикали имеет троичное членение», а постамент скульптуры, облицованный со всех сторон бульжными камнями, обозначающими сакральные места обрядов поклонения хозяевам земли и покровителям местности, демонстрирует, как «в этом мемориале воплощены в единой композиции древние традиции народа и принципы современной монументальной скульптуры как пространственного вида искусства», — считает художник [Сангаджиева 2020: 310].

Поэт сравнил бронзовый памятник с эпосом: *Эн бумб / хальмг амтнд / курлэс цухгдсн / Эпос мет* [Буджала Е. 1997б: 11]. Возможно, имеется в виду калмыцкий героический эпос «Джангар» или эпохальность замысла и воплощения монумента. Размышляя о необходимости такого памятника для народа, автор сравнивает его с освобождением, называя вечной памятью для потомков: *Эн бумб / олнд кергтэ / Элвг герлтэ. / Сулдхвр мет. / Энтн мана / зовлн, өвдквр. / Энтн үйнрт / мөңк тодлвр!* [Буджала Е. 1997б: 11].

В последней части поэмы при взгляде на памятник поэту слышался перестук вагонов, хохот колес, предсмертные стоны людей, плач детей. Заканчивается поэма риторическими вопросами: *Ямаран орн-нутгт бидн / Янжэ тесжэ амд бээсмб?! / Кергэрн, амэрн, ухан-седклэрн / Кенд бидн церглэжэ бээсмб?!* ‘В какой же стране мы жили?! Делами, жизнью, душой кому мы служили?!’ [Буджала Е. 1997б: 11]. Таким открытым финалом, способствующим со-

размышлениям, со-переживаниям читателей, Е. А. Буджалов как бы пересматривает свое отношение к советскому прошлому, к истории страны и народов.

В поэме поэт использовал два обозначения творения Э. И. Неизвестного: калмыцкое слово *бумб* (1) памятник, 2) монумент) и безэквивалентное русское существительное «монумент», в то же время ни разу не передал название памятника ни по-русски, ни в калмыцком переводе. Ср. в его поэме «„Маска Скорби“ бумб» (1996).

В заметках на калмыцком [Буджала Е. 1997в: 2] и на русском языках, обращаясь к согражданам, Е. А. Буджалов подчеркнул, что «памятник посвящен не персональному герою, не группе людей, а целому народу, его истории. <...> Он глубок по содержанию, широк по охвату времени, богат образами. Он будоражит воображение и заставляет не просто созерцать, а размышлять» [Буджалов 1997в: 3].

До создания поэмы «Буйслһн болн Бослһн» Егор Буджалов написал маленькую поэму «„Маска Скорби“ бумб» («Монумент „Маска Скорби“»). Она напечатана в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») 28 декабря 1996 г. В русском переводе Лии Петровой⁴ опубликована в сборнике поэта «Исход и Возвращение» в 1997 г. Это стихотворение о памятнике Э. И. Неизвестного «Маска Скорби», посвященном жертвам сталинских репрессий и установленном 12 июня 1996 г. на сопке Крутая близ города Магадана. Вместе с небольшой калмыцкой делегацией поэт побывал на открытии этого монумента, о чем рассказал в интервью Б. Н. Бюрчиеву, заметив, что «путь к монументу через память лежит» [Бюрчиев 2004: 5]. Интересно, что на выставке там Е. А. Буджалов видел стенд с письмами, документами, книгами репрессированного в 1937 г. калмыцкого поэта Хасыра Сян-Белгина (1909–1980), десять лет проведенного в лагерях ГУЛАГа. Но в магаданской поэме он об этом не упоминает, хотя, казалось бы, этот калмыцкий мотив был бы уместен, если не сказать, что ценен.

⁴ Петрова Лия — псевдоним Щегловой Лилии Ивановны.

Поэма состоит из четырех небольших частей, разделенных арабскими числами. По содержанию перевод Л. Петровой в основном совпадает с оригиналом, но это уже три части, но без строфической «лесенки», использованной автором, кроме того, нет цитаты-посвящения Мастера («Эрнст Неизвестный — / Неизвестным во рвах...») [Буджалов 1997б: 39–41].

Первые три части являются подступом к рассказу о монументе: магаданская земля, ставшая концентрационным лагерем для разных «врагов народа» страны, общей могилой у сопки Крутая. Здесь экфрасис так же, как и в поэме, минимизирован, выполняя сюжетную функцию. В четвертой части поэт написал: *Магаданд, нигт будн дотр / Крутая нертә / уул күринә. Тер уулын ора дернь / «Маска Скорби» / бумб зогсжана* ‘В Магадане среди густого тумана гора Крутая возвышается. На ее вершине стоит монумент «Маска Скорби»’ [Буджала Е. 1996: 3]. Этот памятник, указывает поэт, Эрнст Неизвестный посвятил всем убитым здесь: *Эн бумбиг / Эрнст Неизвестный / Энд үксн әмтнд нерәдж* ‘Эрнст Неизвестный — / Неизвестным во рвах...’ [Буджала Е. 1996: 3], т. е. цитируется на русском языке адресация скульптора, обыгрываются фамилия Мастера и безымянность жертв политических репрессий. Здесь нет никакого описания монумента — ни общего, ни детального, кроме посвящения мастера. Между тем замысел художника воплощен в символических образах, таких как слеза из одного глаза, тюремная оконная решетка в другом глазу, казненный без головы на кресте, ряд лиц и лестниц... Только в конце поэмы, характеризуя скульптора, Буджалов называет его великим, а его творение — *дүмбр бумб, сүртә бумб* (величественный монумент, исключительный памятник). В отличие от второй поэмы в первой поэме дано название монумента по-русски в заголовке и в самом тексте.

Следовательно, в обеих буджаловских поэмах, в которых принята попытка создания экфрасиса в ракурсе двух монументов Э. И. Неизвестного, адресованных трагическим страницам истории страны, экфрасис, выполняя сюжетообразующую функцию, предельно лаконичен в пространственной парадигме произведений.

Экфрасис в русскоязычной калмыцкой поэзии: «Исход и Возвращение» Э. И. Неизвестного

Тема памятника «Исход и Возвращение» среди русскоязычных калмыцких поэтов представлена несколькими стихотворениями: Римма Ханинова «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996), Валентина Лиджиева «Монолог отца» (1997), Валерий Хотлин «Исход» (1998) и Петр Дарваев «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009).

Римма Ханинова первой из калмыцких поэтов обратилась к теме памятника Э. И. Неизвестного «Исход и Возвращение» 26 декабря 1996 г., еще до открытия монумента. Стихотворение в жанре реквиема состоит из 103 строк, структурированных «лесенкой» (в первой публикации текст дан редколлегией газеты без «лесенки» [Ханинова 1997а: 9]). Название и лестничная структура определены диалогом с поэтом Андреем Вознесенским, посвятившим еще в 1964 г. своему другу Эрнсту Неизвестному стихотворение «Неизвестный — реквием в двух шагах, с эпилогом» [Вознесенский 2008: 115–117]. Цитата («Я чувствую, как памятник / ворочается в тебе» [Вознесенский 2008: 117]) из этого стихотворения стала камертоном для калмыцкого поэта. «...Когда убитый за родину / в Австрии / наповал / и по ошибке / сброшен / был / с трупами Эрнст / в подвал, / Памятник не унимался, / ворочался, / Вечность дробя, / и выросал / из тела / Эрнстова, / из себя» [Ханинова 1997б: 177–178]. Рождение памятника равносильно рождению младенца — от зачатия-замысла, созревания в утробе матери / мастера до выхода на свет: «Он, / как младенец, / множил / боль, / состраданье, / крик — / так, / может быть, / ожил / там лейтенант. / С ним» [Ханинова 1997б: 178]. Предназначение стать скульптором с мировым именем наперекор смерти определило судьбу Мастера. Незазванный памятник как вообще памятник (монумент), в том числе «Исход и Возвращение», как творение рук человека — противостояние бытия небытию, жизни над смертью, духа над брэнной плотью. Несмотря на то, что мемориальный комплекс «Исход и Возвращение» был

открыт 29 декабря 1996 г., не было еще его фотографий, отдельные детали отмечались накануне в газетных публикациях [Воронова 1996б: 1; Правда в металле 1996: 3 и др.], Р. М. Ханиновой удалось описать его, актуализируя философскую парадигму замысла и воплощения архитектором и скульптором. «Люди, / цветы / и / звери, / Вечности / вам / Врата: / двери / распяты / настежь — / из прошлого, / из декабря... / Шар головы и планеты, / Вечности колесо, / ссылка / и / возвращение, / спицы, / руки, / лицо... / Бронза загара / и / Вечности — / Будда познаем велик — / Вновь / уплывают / в Млечности / и субурган, / и калмык. / Рельсы, / дорога памяти — / скорбный путь на восток... / Смерти / и / Жизни / маятник — формы и сути рок...» [Ханинова 1997б: 179–180].

Ср. описание памятника журналистом Е. Вороновой накануне его открытия 17 декабря 1996 г.: «В скульптуре мы можем увидеть множество лиц, среди них Эрнст Неизвестный сознательно поместил лики К. Н. Илюмжинова, Д. Н. Кугультинова, Е. Б. Поканиновой и многих других людей. Также мы увидим голову Будды — спокойную, погруженную в себя полуулыбку. Это сила вечности. Перед лицом Будды — лотос, священный цветок, отрезанный дьявольским мечом. Душа у лотоса — женская. В лотосе — зародыш, спящий ребенок. Мы увидим огромное количество людей, берущих с собой предметы буддийского культа. Их лица обращены вниз, к железным шипам безжалостной машины. Чаша их страданий переполнена и испита. Далее мы увидим Возвращение — прорыв сквозь стену, сквозь металл обратно, на свою землю. Над головой человека — скульптура Кентавра, символ Э. И. Неизвестного, означающий единство человека и природы. Он показывает, как народ един с природой в своем мировоззрении. С обратной стороны — раскрывшийся огромный лотос. Здесь все символично. Табун лошадей, несущийся по родным просторам; колесо — знак вечного движения. Огромная лошадь олицетворяет собой природную силу движения, она сильна, как ветер. Череп под копытами — это прошлое, из которого вырастают живые цветы настоящего и будущего. В центре вращения вечного колеса движения спит эм-

брион. Есть в скульптуре и маленькие фигурки, например, из яйца выходят две маленькие ладошки в форме лотоса. То есть, все в композиции метафорично, все взывает к чувствам, историческому опыту и своим корням» [Воронова 1996б: 1].

Если в стихотворении Р. М. Ханиновой использована диалогическая форма, то в стихотворении В. Н. Лиджиевой — монологическая. Это «Монолог отца», пережившего сибирскую ссылку и увидевшего теперь монумент Мастера. Семь четверостиший — это в основном размышления и переживания старого человека, причем патетический стиль не соответствует лирическому субъекту-калмыку. Лишь в конце стихотворения отдельные детали являют попытку экфрасиса: «Он отлит из бронзы, на века. / Он согрет душою президента. / А большого Мастера рука / Вылепила тело монумента. // На кургане высится оно — Нынешнего времени творенье. / В прошлый мир раскрытое окно — / Памятник „Исход и Возвращенье“» [Лиджиева 1997: 58]. Сведения о материале памятника, об инициативе творческого замысла, о местонахождении на кургане передают штрихами эскиз экфрасиса. Неудачная метафора памятника как окна в прошлое, учитывая монументальность комплекса, также не отвечает ментальности в монологе старого человека.

Стихотворение В. Г. Хотлина (1951–2018) в заглавии сохраняет лишь одно слово из названия памятника Э. И. Неизвестного «Исход» с посвящением: «Бабушке моей и Эрнсту Неизвестному посвящается» (1998) [Хотлин 1998: 9]. Поэт, воссоздавая историю депортации и ссылки калмыков, своей родни, обращается к скульптору («господин Неизвестный») с риторическими вопросами: как он смог проникнуться болью чужой, что кажется — был он рядом с ними в ссылке, в Широклаге, стал своим. Но все же автор не может разгадать секрет творца: «Каким образом боль и печаль тех дорог / Переплавить смогли Вы в металл?» [Хотлин 1998: 9]. Это стихотворение-посвящение также не дает ни названия, ни описания монумента, ограничиваясь указанием, что он стоит на кургане («Я сегодня пойду на известный курган / Помолиться и вспомнить дорогу»). Мотив преемственности поколений поэт передал в кон-

це текста: «Это было, конечно, не с нами, — / С нашим дедом, с нашим отцом. / Но, когда, обласканный Богом, / Я начну забывать беду, / Помолиться и вспомнить дорогу / Я детей на курган приведу» [Хотлин 1998: 9].

Заглавие небольшого стихотворения Петра Дарваева (1947–2017) указывает адресат: «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009). Несмотря на то, что в заглавии заявлен экфрасис, в самом тексте он не показан. Неудачно начальное сравнение: «Как стон мольбы о всепрощенье, / Над степью памятник парит» [Дарваев 2009: 292]. Метафизический стон мольбы и физическая субстанция монумента, парящего над степным пространством, никак не вписываются в вербальную картину экфрасиса. Кроме того, неправильное определение материала скульптурного сооружения (гранит, а не бронза) вызывает недоумение фактической небрежностью поэта: «Парит гранит» [Дарваев 2009: 292]. Парение памятника у автора обусловлено метафорой: «В нем душ исход и возвращенье / Святой лампадою горит» [Дарваев 2009: 292]. Инверсия (ср. исход и возвращенье душ) отсылает к идее реинкарнации, как и мольба о всепрощении — к буддийским постулатам. Но ведь суть творческого замысла мемориального комплекса заключается в другом — не всепрощение, а память и покаяние. Память о погибших в период депортации и ссылки, не выживших, не доживших до возвращения на родину. Покаяние причастных к геноциду народов страны, чтобы не повторялись трагические уроки прошлого. Поэтому название монумента «Исход и Возвращение» являет идею правды жизни, ее победу над смертью и ложью о народах-предателях. Неуместной представляется и рифменная параллель (ледяная стужа и звездные кружева) в отношении жертв ссылки: «В нем [в памятнике] души тех, кто в лютой стуже / В краях далеких полегли, / Кто, вырвавшись из звездных кружев, / Пришли на зов родной земли» [Дарваев 2009: 292].

Итак, заглавия четырех стихотворений русскоязычных калмыцких авторов в разной степени демонстрируют связь с памятником и его автором: 1) «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“, с эпилогом» (1996),

2) «Монолог отца» (1997), 3) «Исход» (1998), 4) «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009). Экфрасис представлен лишь в первом стихотворении. Все тексты являют разные формы диалогической или монологической речи. Большая часть этих произведений создана в ближайшем временном промежутке. Кроме В. Н. Лиджиевой, остальные авторы родились во времена или на исходе сибирской ссылки, это поколение сибирских детей.

Заключение

Экфрасис в современной калмыцкой поэзии о депортации, ссылке и возвращении заявлен в поэме Егора Буджалова «Буйслһн болн Босхлһн» (1997), созданной на родном языке и переведенной на русский язык В. Н. Лиджиевой, в четырех стихотворениях калмыцких русскоязычных поэтов: «Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента „Исход и Возвращение“», с эпилогом» (1996) Риммы Ханиновой, «Монолог отца» (1997) Валентины Лиджиевой, «Исход» (1998) Валерия Хотлина, «Памятнику Эрнста Неизвестного „Исход и Возвращение“» (2009) Петра Дарваева. Стихотворений, написанных на калмыцком языке, на эту тему с мотивом экфрасиса не выявлено.

Все авторы так или иначе принадлежат к разным поколениям, высланных в Сибирь в отроческом возрасте или родившихся в ссылке, за исключением В. Н. Лиджиевой.

Все они знакомы с артефактом Э. И. Неизвестного в Элисте, а Е. А. Буджалов — еще и с монументом Мастера «Маска Скорби» (1996) в Магадане. Личностное отношение поэтов к событиям отечественной истории, в том числе калмыцкого народа (1943–1957), к мемориальному комплексу «Исход и Возвращение» (1996) повлияло на создание указанных произведений после открытия Мемориала и опубликованных в газетах, журналах, книгах.

Как правило, экфрасис памятника выполняет сюжетообразующую функцию, становясь отправной точкой для авторских размышлений и переживаний, выраженных в диалогической или монологической форме, в жанрах поэмы, реквиема, посвящения калмыцких поэтов. Наиболее полно скульптурный экфрасис пред-

ставлен в стихотворении Р. М. Ханиновой, прочитанном автором в присутствии Э. И. Неизвестного в Калмыцком государственном университете накануне открытия мемориального комплекса в Элисте. Эти стихотворения Р. М. Ханиновой, В. Н. Лиджиевой, В. Г. Хотлина были переданы Е. Б. Поканиновой Э. И. Неизвестному при последующей встрече в США.

Источники

- Буджала Е. 1996 — *Буджала Е.* «Маска Скорби» бумб // Хальмг үнн. 1996. Туула сарин 19 (28 дек.). X. 3.
- Буджала Е. 1997a — *Буджала Е.* Буйслһн болн Босхлһн: поэм // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 25 (4 марта). X. 2.
- Буджала Е. 1997б — *Буджала Е.* Буйслһн болн Босхлһн: поэм // Теегин герл. 1997. № 7. X. 4–11.
- Буджала Е. 2008 — *Буджала Е.* Буйслһн болн Босхлһн: поэм // Буджалов Е. А. Пусть любовь правит миром: повесть в стихах, поэмы, стихотворения. На калм. яз. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. X. 296–324.
- Буджалов 1997a — *Буджалов Е.* «Исход и Возвращение» // Буджалов Е. А. «Исход и Возвращение»: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 24–38.
- Буджалов 1997б — *Буджалов Е.* Монумент «Маска Скорби» // Буджалов Е. А. «Исход и Возвращение»: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 39–41.
- Вознесенский 2008 — *Вознесенский А. А.* Тьмать. М.: Время, 2008. 608 с.
- Дарваев 2009 — *Дарваев П.* Памятнику Эрнста Неизвестного «Исход и Возвращение» // Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 293.
- Лиджиева 1997 — *Лиджиева В.* Монолог отца // Муянова Б., Лиджиева В., Ханинова Р. День влюбленных: сб. стихов. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 57–58.
- Ханинова 1997a — *Ханинова Р.* Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента «Исход и Возвращение», с эпилогом // Известия Калмыкии. 1997. 18 января. С. 9.
- Ханинова 1997б — *Ханинова Р.* Неизвестный — реквием в двух шагах от автора монумента «Исход и Возвращение», с эпилогом // Муянова Б., Лиджиева В., Ханинова Р. День влюбленных: сб. стихов. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 177–181.
- Хотлин 1998 — *Хотлин В.* Исход // Известия Калмыкии. 1998. 26 декабря. С. 9.

Литература

- Буджала Е. 1997в — *Буджала Е.* Нашудлһна бумб — мана тууж болн тодлвр // Хальмг үнн. 1997. Лу сарин 25 (4 марта). X. 2.
- Буджалов 1997в — *Буджалов Е.* «Исход и Возвращение» — наша история, наша память // Известия Калмыкии. 1997. 19 марта. С. 3.
- Бюрчиев 2004 — *Бюрчиев Б.* Вновь перелистывая... // Известия Калмыкии. 2004. 4 сентября. С. 5.
- Воронова 1996а — *Воронова Е.* Я прошел в моей работе ваш путь «изгнания и возвращения» // Знамя Октября. 1996. 14–17 декабря. С. 5.
- Воронова 1996б — *Воронова Е.* Эрнст Неизвестный в ожидании встречи // Известия Калмыкии. 1996. 17 декабря. С. 1.
- Геллер 2013 — *Геллер Л.* Экфрасис, или обнажение приема. Несколько вопросов и тезис // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Сб. статей / сост. и науч. ред. Д. В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 45–60.
- Ипполитова 2006 — *Ипполитова Н.* Откровения великого мастера // Известия Калмыкии. 2006. 8 апреля. С. 4.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз, 1977. 768 с.
- Мемориал 2004 — Мемориал «Исход и возвращение» // Элиста: диалог времен. Памятники истории и культуры: фотоальбом: на рус. и калм. яз. / сост. Л. Б. Зулаева, Л. Е. Устинова, Д. Б. Дорджиева; ред. В. Л. Теленгидова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 31–32.
- Поканинова 1996 — *Поканинова Е. Б.* Останется на века // Хальмг үнн. 1996. Туула сарин 15. С. 2.
- Правда в металле 1996 — Правда в металле // ЭЖ-Калмыкия плюс. 1996. Декабрь. С. 3.
- Сангаджиева 2020 — *Сангаджиева Д. В.* Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте — память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. 2020. № 1 (16). С. 306–318.
- Ханинова, Валетова 2022 — *Ханинова Р. М., Валетова Э. Г.* Мотив Поезда памяти в современной калмыцкой поэзии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 171–190. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-171-190
- Ханинова, Иванова, Очирова 2014 — *Ханинова Р. М., Иванова Д. А., Очирова Э. Б.* Экфрасис в рассказе А. Балакаева «Три рисунка» // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 3. С. 89–96.

- Ханинова 2016 — *Ханинова Р. М.* Калмыцкий экфрасис в повести С. Липкина «Декада» // Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык — культура — образование — музей (теоретические и прикладные проблемы): мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (27 апр. 2018 г., г. Элиста). Элиста: Калм. ун-т, 2016. С. 166–169.
- Хаптаханова 1996 — *Хаптаханова М.* Бронзовый монумент — на вершине кургана // Известия Калмыкии. 1996. 15 декабря. С. 1–2.
- Шкаренков 2008 — *Шкаренков П. П.* Экфрасис // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 301–302.
- Эльдышев 1997 — *Эльдышев Э.* Память сердца // Буджалов Е. А. «Исход и Возвращение»: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 5–6.